

Ирма Яунзем-на

Ирма Яунзем

Мы навестили Ирму Яунзем в скромном номере гостиницы. Ирма Петровна, по обыкновению, работала. Она оторвалась от кучи нотных листов и тетрадей с записями еще сырых, неотработанных, неотделанных с музыкальной стороны, песен, мелодий и напевов десятка разных народностей, собранных и записанных ею в только что законченном объезде Дальневосточного края.

Встретила просто и тепло, с доброй и широкой улыбкой, с этим светлым, полнокровным, удивительно ясным, едва косящим взглядом. Простое, близкое и понятное округлое лицо. Именно вот таким простым, естественным и близким может быть облик народной артистки передающей подлинную «душу», быт народа.

— Такая не подведет, не исказит, не сфальшивит, не подгриммирует... В это веришь, это чувствуешь.

Мы говорим о последней гастрольной поездке Ирмы Яунзем по Дальнему Востоку. Впрочем, тут нельзя говорить только о гастрольных выступлениях. Этим не исчерпывается огромная культурная задача, которую упорно и настойчиво преследует И. Яунзем. Она—собирательница и исполнительница подлинных массовых народных песен. Нельзя также говорить о Ирме Яунзем только, как о певице-артистке. Это будет неверно. Она—портретист звука, этнограф, глубочайший реалист и тонкий художник-исполнитель.

Расшифровка по валикам фонографа бурятских песен. Запись их на нотную систему.

Достаточно сказать, что в репертуаре артистки имеется до сорока песен и мелодий различных больших и малых народностей. Здесь и подлинно русский народный репертуар, и песни—украинские, великорусские, немецкие, французские, еврейские, армянские, татарские, песни туркмен и узбеков, ороchon и бурят, башкир и киргизов, чукчей, якутов и ойратов, и множества других народностей, о которых вообще большинство или ничего или слишком мало знает.

Ирма Яунзем относится к числу самых искренних, чутких и внимательных к народно-бытовой интонации исполнителей.

Это и понятно. У Ирмы Яунзем нет шатаний и бесплодных исканий. Простая биографическая справка говорит о ее органической связи с певца-

ми из народа. Она выросла и воспиталась в атмосфере живой, выражающей горе и радость песни.

Ирма Яунзем несет массовую культурно-просветительную работу. Она поет массам, она у них же и учится и знакомит потом свои бесконечные аудитории слушателей СССР, Азии и Европы с тем, что она знает сама и выхватила из подлинного быта народов.

Пять месяцев непрерывной, упорной, захватывающей работы, 12 концертных выступлений в Хабаровске, 14—во Владивостоке, гастроль—в

СОБИРАТЕЛЬНИЦА

О том, что в Ирме Яунзем скрыты большие драматические способности, чисто театрального поядка—говорит, прежде всего, манера ее исполнения, тот трудно передаваемый словами облик всего артистического существа, который раскрывается в улыбке, в блеске глаз, в интонации, и даже в поклоне в ответ на аплодисменты.

С первого же выхода на подмостки, с первых же слов исполнительницы, начинаешь верить и этой широкой, какой-то доброй и душевной улыбке.

Но вот она начинает петь и сразу же ясно чувствуешь, какую тонкость отделки, какую чисто-драматическую изощренность в нюансах и интонациях, какой очень сложный мимический и речевой аппарат нужно иметь, чтобы средствами искусства донести до слушателей всю эту естественность и органичность народной песни. Вот она поет «Сказ о татарском полоне» и начинает спокойно эпический, ровно, эти первоначальные строки:

Как за речкою, да за Дарью,
Злы татарове полон делили.
Да и кто кому достанется?
Доставалась теща зятю!

Медленно, плавно, ритмически едва вздрагивая, разворачивается народная эпопея о страданиях, пережитых во время нашествия татар. Сурово, но спокойно лицо артистки, взгляд как бы ушел вглубь, в те далекие, тяжкие времена. Но вот слегка просвечивает улыбка, интонации делаются мягче и теплее—начинается мотив колыбельной. И затем, в точном соответствии с переломом в сюжете песни, резко меняется весь облик артистки—корпус делает движение вперед, в глазах зажигаются искорки большого напряженного чувства, судороги страдания пробегают по лицу, одна рука как бы удерживает другую от страстного, порывистого жеста и глубокой скорбью и, в то же время, взвизвренной мольбой звучат слова:

Дочка к матери повалилась,
Государыня моя матушка,
Не спознала я тебя родную!

Так спеть эту песню может только очень большая артистка, знающая точно законы нарастания драматического напряжения и искусно владеющая всеми сценическими средствами выразительности.

родная артистка

в Харбине

Омске, Свердловске, Новосибирске, Томске, Красноярске, Иркутске и в Чите, запись нескольких десятков новых песен и мелодий туземных народностей Дальнего Востока,—вот, в общем, итоги последней поездки Ирмы Яунзем.

— Ну, а как встречала вас аудитория?

— О, я вполне удовлетворена,—скромно отвечает Ирма Петровна.

Впрочем, об успехах, которые неизменно сопровождают выступления Ирмы Яунзем, излишне говорить. Об этом красноречиво свидетельствуют

НАРОДНЫХ ПЕСЕН

А башкирская песня? Я никогда не подозревал, что можно так удивительно и лучезарно, так светло и ясно, передать в немногих словах:

А гей—ей—гей степь!

А гей! Плачь мой напев.

Сердце успокой! Прощай счастливых

Лней не вернуть!

И ощущение необъятной шири степной, и какое-то почти физическое видение бредущего по огромной равнине кочевника, у которого сердце так сладко щемит от тоски и у которого вдруг спазмы в горле (от переполненного чувства!) прерывают мелодию каким-то клочковатым звуком (эу-эй-уй!), похожим на клекот степного орла...

Я не стыжусь сказать—ничего более увлекательного я не испытывал уже давно в сфере искусства, чем во время исполнения Ирмой Яунзем этой песенки никому неведомого башкирского странника. Этот напев еще далеко звучит где-то внутри...

А хасидская еврейская песня? Как могла эта латышская крестьянка, когда и где она сумела припасть к самым истокам еврейской древней песенной выразительности, к этим изощренным, очень своеобразным жестам, к этим ядовитым ироническим интонациям, к этой прерывательной ко всем «новшества» хасидской манере держать руки и складывать пальчики так, как-будто они только-что прикоснулись к чему-то нечистому и греховному? А этот припев: «чирим-бим-бом»? Разве не чувствуется сразу же в этом застольном припеве облика старого, местечкового, заплесневелого, но все же не лишнего весьма острого аромата еврейского сектантства?

И еще и еще!.. Киргизскую песню сменяет японская, украинскую—немецкая. Между ними всего лишь одна, две минуты паузы, но что-то поистине поразительное есть в той силе перевоплощения, с какой артистка, без помощи костюмов и грима, меняет на глазах зрителей один национальный облик на другой. Вот почему кончаю я эту краткую заметку тем же, чем начал:

— Ирма Яунзем не только певица. Перед нами большой артистический талант, подлинная драматическая артистка.

М. Загорский.

несколько альбомов с вырезками газетных и журнальных рецензий, специальные статьи театриков, академиков, брошюры... Это—лучший и заслуженный опутник выступлений народной артистки.

— Можно много хорошего сказать о новом советском зрителе,—говорит нам Ирма Яунзем.—Он, несомненно вырос, культурно перевоспитался и предъявляет повышенные и серьезные требования к искусству.

Это можно видеть из того, что теперь массовик рабочий, крестьянин и служащий проявляет чуткое отношение к репертуару, прекрасно разбирается в нем, ценит хороших и истинных артистов. В этом большую роль сыграла огромная просветительная работа театральных и культурно-просветительных органов СССР, правильный подход к зрителю, умение подбирать и подавать репертуар, лекции и вступительные пояснения, практикуемые перед аудиториями перед всякими новыми и серьезными постановками в театре.

— Что можно сказать о театральной Москве?—переспрашивает нас Ирма Петровна.—Москва кипит в бурном котле новой культурной жизни.

— Знаете,—восторженно замечает Ирма Петровна,—трудно даже себе представить, какая масса театров, кино, консерваторий и техникумов расцвела теперь в Москве. Всюду идут новые постановки, обновляется репертуар, создается и вос-

Напев ойратских песен на фонограф в Географическом Обществе Изучения Сибири в Иркутске.

питывается и новый зритель, и новый народный массовый артист.

Наша беседа подходит к концу.

— Каковы ваши ближайшие планы, Ирма Петровна?

— Сейчас я готовлюсь к выступлениям в Желсопе и Мехсопе и других рабочих клубах. В Харбине я намерена немного поработать над собиранием маньчжурских и китайских песен. Кстати, этой работе я уже давно уделяю серьезное внимание. Может-быть, потом поеду в Японию, а затем опять вернусь к своей работе в СССР.

— Буду продолжать запись и собирание новых и новых песен. Ведь, это моя постоянная, живая и глубоко-интересная работа...

Б. Грин.